

УДК 330(44)

В. Н. Украинский

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ БЛИЗОСТИ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ЛОКАЛИЗОВАННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Рассмотрены связи современной французской пространственной экономики (1990—2000-е гг.) с другими направлениями и школами научной мысли. Продемонстрированы некоторые характерные черты современной французской пространственной экономики. Подробно показана эволюция развития теории близости и типологизации локализованных экономических систем.

Пространственная экономика, теория близости, географическая близость, организованная близость, локализованные экономические системы, кластеры, типология, мультидисциплинарность.

Изучение чужого опыта, безусловно, может принести двойную выгоду: можно попытаться, во-первых, заимствовать положительный опыт, не тратя на «изобретение колеса» собственные ресурсы, а во-вторых — избежать собственных ошибок, учитывая отрицательный чужой опыт.

Как представляется, современная французская пространственная экономика (французская школа) мало знакома отечественным исследователям¹.

© Украинский В. Н., 2011

¹ Хрестоматийное и достаточно краткое изложение во вполне понятном критическом ключе некоторых идей Ф. Перру, Ж. Будвиля и других французских специалистов 1950—1960-х гг. в советских публикациях соответственно 1970—1980-х гг. (см., например: [2, с. 123—138; 6, с. 60—65]) выглядит даже более выигрышным, чем некоторые современные отечественные работы.

Впрочем, как и немногие англосаксонские исследователи, формирующие мэйнстрим в данной области, хорошо знакомы с работами.

Здесь необходимо сделать три замечания. Во-первых, французской данную школу можно называть достаточно условно. Основной массив работ создан скорее франкоязычными авторами из разных стран — собственно Франции (представляя с точки зрения географии ее крупнейшие научные центры), Швейцарии, Бельгии, Канады. Но к ним можно также добавить в значительной степени близкую (не только и не столько по географии) группу итальянских и испанских исследователей, а также ученых из других европейских стран (например, Нидерландов, где существуют «родственные» по характеру проводимых исследовательских работ научные центры).

Во-вторых, условным является применение термина «школа» в отношении этого направления (или течения) научной мысли. Логика здесь примерно та же, благодаря которой выделяется так называемая немецкая школа пространственной экономики (начиная с Й. фон Тюнена до А. Лёша включительно)¹: можно отметить несколько специфический «стиль» и даже некоторые темы исследований, которыми занимаются представители именно французской школы, как бы в противовес англосаксонским исследователям (фактически унаследовав тем самым позицию ушедшей в небытие немецкой школы). В рамках этого большого течения можно выделить некоторые научные школы и исследовательские институты, о чем речь пойдет ниже.

Но наиболее существенным в свете настоящей работы представляется третье замечание. Несмотря на существование основанной в 1961 г. Ф. Перру, У. Айзардом и Ж.Р. Будвилем «Ассоциации франкоязычной региональной науки» (*l'Association de Science Régionale de Langue Française, ASRDLF*), понятие «экономическое пространство» отнюдь не так широко используется в трудах современных исследователей. Заменой ему служит другой термин — «территория».

Краткое обоснование такого предпочтения можно найти в работе под названием «Управляем Францией-2020», подготовленной DATAR (Управлением по обустройству территории и региональному развитию): «Понятие пространства отсылает к функциональной логике... Пространства — «холоднокровные существа». Они умножаются, изменяются, взаимодействуют, дополняют друг друга и даже противодействуют друг другу. С другой стороны, понятие «территория» отсылает к историческим конструкциям, к воображаемому, к символическому миру, к живому: мы говорим об общественной территории, о национальной территории. Территории — «теплокровные су-

¹ Вопрос изначального «укоренения» идей пространственной экономики в Германии (и собственно континентальной Европе), а не в Англии в весьма интересном ключе рассмотрен Ж.-Ф. Тиссэ [10, с. 82—85].

щества». Если точнее, территории как акторы развития одновременно являются: местами памяти и наследия, сохраняющими следы прошлого; ареалами общения, более или менее интенсивного, исходя из близости, соседства или родства; системами гражданского представительства и законности, в которых осуществляются местная демократия и коллективная ответственность; факторами экономического производства благодаря своим ресурсам и деятельности своих акторов» [38, с. 11—12].

Группа известных франкоязычных исследователей даже выступила со своего рода манифестом — призывом к выделению «территориальной экономики» (*l'économie territoriale*): «Территориальная экономика предполагает рассмотрение экономических вопросов во времени, в пространстве и в систематической привязке к конкретным ситуациям. Но территориальная экономика — это куда больший теоретический проект. Нужно провести пересмотр экономики под территориальным углом и, если пойти дальше, сформулировать принципы настоящей территориальной политэкономии» [32, с. 8]. Дальнейшее изложение материала, в котором мы еще неоднократно будем обращаться к «территориальной» проблематике, покажет, есть ли основания для столь громких заявлений.

Итак, попытаемся кратко рассмотреть некоторые характерные черты рассматриваемой научной школы, проявляющиеся в двух проблемных областях: теории близости и типологизации локализованных экономических систем (*les systèmes productifs locaux — SPL*). Но прежде остановимся на истоках современной французской пространственной экономики¹.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ

Как представляется, современное (с некоторой условностью его можно назвать «вторым») поколение французских экономистов-пространственников² оформилось примерно на рубеже 1980—1990-х гг. На предлагаемой схеме (*рис. 1*) предпринята попытка показать систему связей этого поколения с другими научными течениями, как предшествующими, так и параллельными. Ввиду невозможности отобразить всю сложность этой системы на ограниченном бумажном пространстве акцент делался на связях, ведущих именно к рассматриваемому течению во французской экономической мысли.

¹ В настоящей работе будет использоваться все-таки это название, представляющееся более емким, нежели упомянутая «территориальная экономика». Об эволюции теории пространственной экономики (в том числе на российской почве) см. [5].

² Воспользуемся этим весьма удобным, на наш взгляд, термином, введенным в свое время Ж.-Ф. Тиссэ [10].

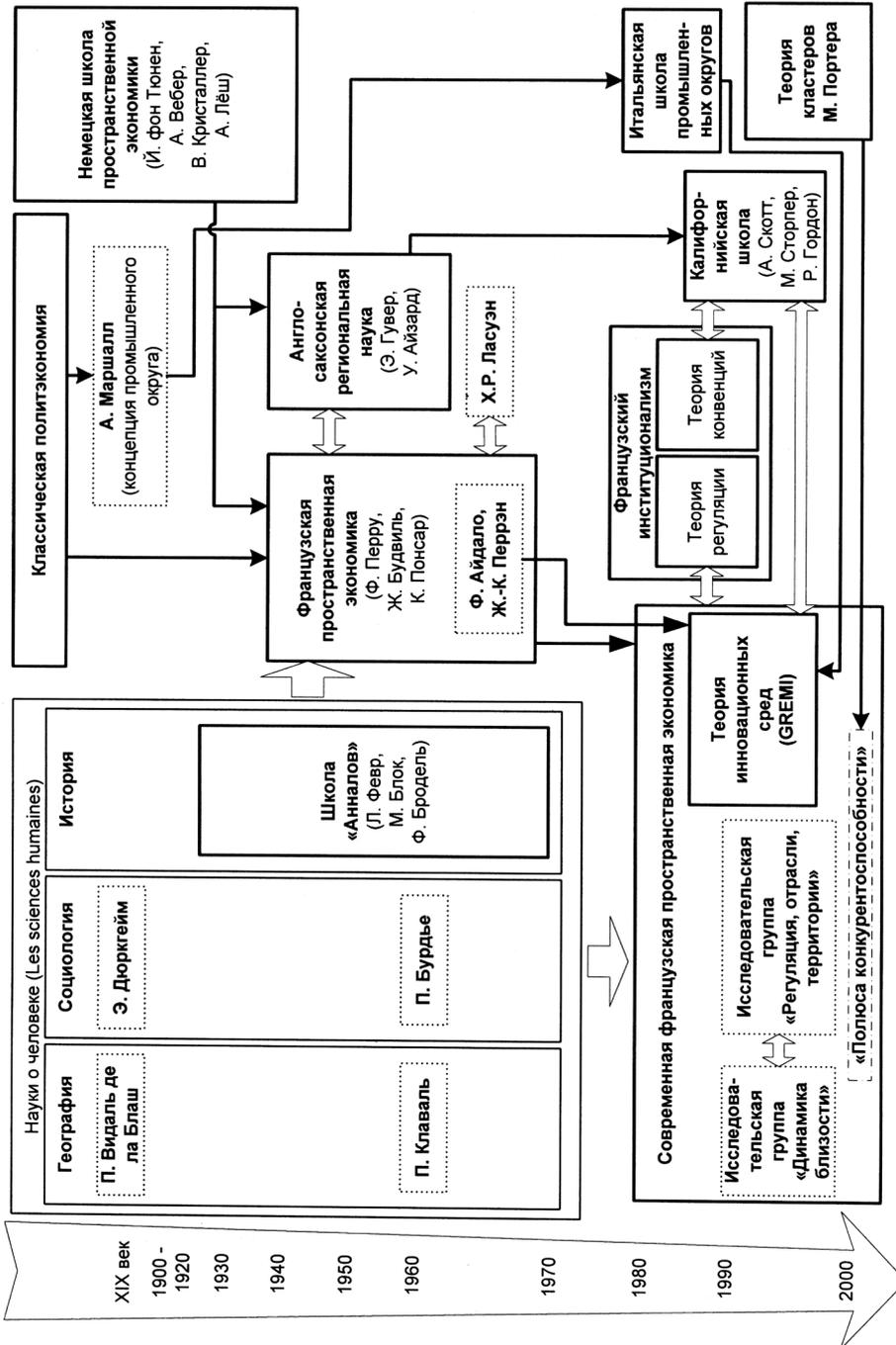

Рис. 1. Генезис современной французской пространственной экономики

В правой и нижней частях схемы представлены экономические и экономико-географические школы, институции и отдельные персоналии. Своего рода связующим звеном между первым (в первую очередь, в лице упомянутых Ф. Перру и Ж. Будвиля) и вторым поколениями выступили такие ученые, как Филипп Айдало (Ph. Aydalot) и Жан-Клод Перрэн (J.-C. Perrin). С фамилией первого связывается появление в середине 1980-х гг. так называемой Группы европейских исследований инновационных сред (*Le Groupe de Recherche Européen sur les Milieux Innovateurs, GREMI*), в деятельности которой Ж.-К. Перрэн также принимал активное участие.

Не вызывает особых сомнений факт наличия тесных взаимосвязей между французскими экономистами середины прошлого века и их англосаксонскими коллегами. Одним из свидетельств может служить упомянутое участие столпа региональной науки У. Айзарда (Изарда) в основании соответствующей франкоязычной ассоциации. Нет нужды и в особо пространственных доказательствах того, что и на французов, и на англосаксов оказали некоторое влияние идеи немецкой школы¹.

Нельзя, конечно же, игнорировать и определенную преемственность французских экономистов-пространственников в классической политэкономии XIX в. (и мыслителей, пусть и «неэкономистов», более ранних веков), в которой представительство французов было весьма заметным. Причем наследственные черты угадываются уже в современном поколении ученых: владение математическим аппаратом (из предшественников здесь можно вспомнить А. Курно) сочетается с абстрактно-философским, описательным стилем изложения (как у Ф. Бастиа).

Здесь требуется некоторое пояснение относительно широты идей представителей первого поколения, не сводившихся только к полюсам роста. Внимательное изучение наследия Ф. Перру, считающегося «отцом» последних, показывает, что он писал не только про них и про «абстрактное» экономическое пространство [7], а также про города «как очаги прогресса» (*le foyer du progrès*), полюса, пространства и оси развития² (*les pôles, espaces et axes de développement*) и соответственно полюса, пространства и оси интеграции (*les pôles, espaces et axes d'intégration*) [53; 54]. Учитывая это многообразие полюсов (и других объектов), неудивительно появление во Франции XXI в. полюсов конкурентоспособности (*les pôles de compétitivité*)³.

Рассматривая первое поколение экономистов-пространственников, осо-

¹ В соответствующе озаглавленной работе К. Понсара «О локализации фирмы» есть отсылки на работы и немецких (например, В. Лаунхардта, А. Вебера и др.), и англосаксонских специалистов (Г. Хотеллинга, Э. Гувера и пр.) [56].

² Отличая последнее (*le développement*) от роста (*la croissance*) [53, с. 247—248].

³ Рассмотрение этих полюсов, как представляется, заслуживает отдельного места.

бо следует отметить фигуру известного испанского ученого Х. Р. Ласуэна. Наиболее часто отсылки на него связаны с тем, что Х. Р. Ласуэн также писал про полюса роста. Но, на взгляд автора настоящего обзора, более ценной (и очень недооцененной) работой этого автора является монография, посвященная кластерам и опубликованная в 1970 г. в Мадриде¹. Сочетание двух параметров — территориального (географического) и отраслевого (организационного) — при анализе экономических процессов и явлений стало весьма распространенным подходом, но уже в 1990—2000-е гг.²

Весьма сложная система связей существует у второго поколения французских пространственников с институционализмом. Говоря о последнем, как правило, останавливаются на двух сформировавшихся в 1970—1980-е гг. течениях (школах), которые и в англоязычных работах часто фигурируют под французскими названиями — регуляционизм (теория регуляции) и конвенционализм (соответственно теория конвенций). Прямая связь между регуляционизмом и современной пространственной экономикой обусловлена целым рядом персоналий. В первую очередь, нужно отметить такую знаковую фигуру, как Ален Липец (Alain Lipietz), работы которого часто упоминаются среди первых в литературе по теории регуляции и который же является признанным специалистом в региональной науке. Сами же пространственники второго поколения регулярно обращаются к регуляционистской тематике, например, в целом ряде работ это делал Бернар Пекёр (Bernard Pecqueur).

Как уже отмечалось, своего рода «родственные» связи существуют у современной пространственной экономики Франции с итальянскими исследователями. Среди них особо выделяется школа, изучающая так называемые промышленные округа, иногда с соответствующей приставкой — маршаллианские (или неомаршаллианские) округа. Последняя указывает на то, что итальянцы в конце 1970-х — начале 1980-х гг. реанимировали одну из идей из богатого наследия А. Маршалла. С тех пор тема «округов» стала одной и популярных как среди англоязычных исследователей, так и французских пространственников.

Еще одна «родственная» черта французских и итальянских исследователей может быть обнаружена в мультидисциплинарности исследовательского подхода (в чем, может быть, проигрывают многие англоязычные специалисты). Свидетельством может служить, например, следующая цитата из известной работы по региональной экономике: «В литературе по новым про-

¹ Изложение идей этой работы в варианте статьи было опубликовано в 1973 г. в журнале «Urban Studies» (см. русский перевод [4]), но ссылки на обе публикации чрезвычайно редки.

² Если не вдаваться в тонкости, в своей «кластерной теории» М. Портер, изначально скомбинировав в дефиниции кластера упомянутые параметры, мало что добавил к идеям Х. Р. Ласуэна. Вклад Портера скорее заключается в эмпирико-методологическом заделе и, конечно, деятельности по популяризации кластерной темы.

мышленным округам пытаются сочетать экономический анализ Маршалла с теоретическими положениями, почерпнутыми из географии, политологии и социологии. В частности, понятие нового промышленного округа использует идеи постфордизма и теорий социального капитала. Так как эти теории лежат вне современной экономической теории как дисциплины, они будут рассмотрены весьма кратко» [12, с. 294].

Другая «родственная» черта, связующая итальянских и французских специалистов (и частично связанная с предыдущей общей чертой), — это широкая источниковая база, с которой они работают, и то, в каком виде и как они публикуют свои работы. О чем идет речь? И итальянские, и французские исследователи активно используют литературу на различных языках, что свидетельствует о соответствующем уровне подготовки¹, и на различных же языках публикуют свои результаты, что все-таки свидетельствует о востребованности последних (несмотря на обилие «своего» материала), в частности, англоязычными издательствами².

На фоне разнообразных течений и направлений англосаксонской регионалистики выделяется так называемая калифорнийская школа (*Californian School*). Ее основные представители³ не только демонстрируют знакомство с работами как французских, так и итальянских исследователей⁴, но и регулярно сотрудничают с французскими авторами и издательствами. М. Сторпер, например, отметился совместными трудами с известным представителем французского конвенционализма Р. Салэ [59], а Р. Гордон принимал участие в работе GREMI.

Уже упоминавшаяся выше теория кластеров М. Портера, конечно же, появилась не на пустом месте. В одной из своих работ [8, с. 214—217] М. Портер, в частности, ссылается на то, что он опирался на идеи А. Маршалла, представителей немецкой и калифорнийской школ, итальянской школы промышленных округов и др. Включение портеровской теории в схему (*рис. 1*) связано с тем, что ее «триумфальное шествие» по всему миру инспирировало разработку во Франции государственной программы развития полюсов конкурентоспособности.

¹ Чего как раз и нельзя сказать о многих англосаксонских специалистах. Возложить всю вину на пресловутый «языковой барьер», конечно, можно, но он все не объясняет.

² В одной из публикаций в регулярной (!) рубрике «Хроника экономической мысли Италии» во французском «*Revue économique*», например, отмечено: «Немного парадоксальным кажется начинать хронику экономической мысли Италии с двух трудов, опубликованных на английском языке, один — голландским издателем, а другой — чилийским...» [13, с. 135].

³ Это в первую очередь Аллен Скотт (введший в оборот термин «новые промышленные пространства»), Майкл Сторпер и Ричард Гордон.

⁴ См., например, часто цитируемую работу М. Сторпера [62] и его же [63]. Для сравнения можно привести другую работу (данный случай на самом деле не единичен), в которой ее авторы, рассуждая об инновационных средах и деятельности GREMI, умудрились не сослаться ни на одного франкоязычного специалиста [48].

Показанная картина местонахождения второго поколения французских пространственников в научном мире будет весьма неполной, если не учитывать влияния блока дисциплин, изображенного на схеме слева вверху. Объединенные общим названием «науки о человеке» (*les sciences humaines* или иногда буквально *les sciences de l'homme*) три дисциплины¹, безусловно, внесли свою лепту в формирование многих характерных признаков современной французской экономической мысли в целом и пространственной экономики в частности.

Каждая из этих научных ветвей имеет свою собственную историю (и видных представителей), подробное освещение которой далеко выходит за рамки настоящей работы. Обозначим коротко лишь некоторые моменты.

Возникновение современной французской географии связывают с трудами П. Видаль де ла Блаша, творившего в конце XIX — начале XX в. Если он может рассматриваться как патриарх, заложивший определенные исследовательские традиции, то другого французского географа — Поля Клаваля (Paul Claval), гораздо ближе по временной оси находящегося к рассматриваемому периоду, можно непосредственно связать с современной французской пространственной экономикой².

Аналогичным образом, помня о такой знаковой фигуре для социологии, как Э. Дюркгейм, нужно выделить другого французского социолога — Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu)³, которого отличал «социологический империализм» в отношении экономики (по аналогии с «экономическим империализмом» в отношении социальных наук [9, с. 79—80]).

Особое место в означенном блоке занимает такая дисциплина, как история. Правда, благодаря работам ведущих представителей школы «Анналов» так называемую новую историческую науку уже сложно назвать «чистой» дисциплиной. Причины «смелости» французских пространственников, спокойно прибегающих к мультидисциплинарному подходу при изучении интересующих их экономических явлений, можно увидеть именно во влиянии,

¹ Автор рецензии на работу С. Фридман о жизни и творчестве известного представителя школы «Анналов» М. Блока назвал их «тремя дисциплинами-сестрами» [55, с. 337]. Им же отмечена такая деталь, которая характерна для многих англоязычных изданий: «Каков же должен быть ужас англосаксонских читателей по отношению к иностранным языкам, если даже короткие цитаты французских авторов систематически переведены на английский язык, и это в достаточно специфическом труде, предназначенном для хороших специалистов по исторической географии» [55, с. 338].

² Для примера см. статью Б. Пекёра, в которой он, помимо прочего, использовал одну из последних на тот момент работ П. Клаваля [52]. Кстати, сам П. Клаваль, будучи воспитанным в духе мультидисциплинарности, демонстрирует ее в своих работах, ссылаясь, например, на труды социологов и историков [30; 31].

³ Большое внимание работам П. Бурдьё уделяет, в частности, фактический лидер французского регуляционизма Робер Буайе (Robert Boyer) [21; 22].

оказываемом начиная с 1930—1950-х гг. школой «Анналов» на французскую научную мысль¹.

В качестве доказательства этой ментальной революции может служить содержание появившегося как раз в 1950 г. первого номера журнала «Revue économique». А именно, основу номера составили работы на преимущественно «неэкономические» темы: перу Андре Маршала принадлежала статья «Экономисты и историки» [49], Фернана Броделя — «Об исторической экономике» [24], Жана Лёмма — «Экономические феномены как «разнообразные» явления. Эссе о понятии «экономическое отклонение» [46], а будущий автор «Мегалополиса» Жан Готтманн написал работу под названием «Об организации пространства. Размышления о географии и экономике» [43].

Широта охвата нового на тот момент журнала нашла свое отражение в презентации, написанной Альбером Афтальоном: «Revue économique» будет очень радушен и откроет свои двери для всех направлений в сфере познания... Не исключая каких-либо тенденций, некоторое предпочтение будет отдаваться более новым из них. Теоретические исследования будут соседствовать со статистическими, исследования по эконометрике — с историческими исследованиями. ... Не стремясь к актуальности любой ценой, «Revue économique» охотно займется существующими реалиями. Среди нас находятся также историки, географы. Следовательно, журнал сможет изучать различные вопросы во времени и в пространстве... Желательно проведение исследований всех аспектов экономики. Именно под знаком разнообразия журнал намеревается работать...» [11, с. 2].

В завершение рассматриваемого раздела сошлемся на коллективную работу, опубликованную в 1993 г. — в первые годы «новой эпохи» развития французской пространственной экономики [35]². Данная обзорно-постановочная статья состоит соответственно из двух частей. В свете рассмотренных выше вопросов об интеллектуальных истоках содержание обеих частей не должно вызывать удивления.

Например, делая обзор относительно предшествующего развития пространственной мысли, авторами отмечены среди прочего:

¹ Как в свое время отметил М. Китинг, идеи пространственной экономики получили большее признание именно во Франции, «где богатая традиция политической географии и исторической школы «Анналов» через какое-то время породила множество исследований, в основе которых лежало пространство» [3, с. 70]. И если М. Китинга как социолога можно обвинить в некоторой пристрастности, то заподозрить в этом экономиста Р. Буайе уже сложнее: «...ирония заключается в том, что профессиональный экономист вследствие своей специализации стал наихудшим исследователем для постижения их [общественных изменений] логики, условий появления. С этой точки зрения историки, наследники «Анналов», занимают лучшие позиции, чтобы координировать эти мультидисциплинарные исследования» [21, с. 1420].

² В дополнение к статье отдельно двумя из ее авторов был сделан библиографический обзор использованных при написании публикаций [36].

- 1) рефлексия в 1970—1980-х гг. идей А. Маршалла, вылившаяся в итальянскую школу промышленных округов;
- 2) появление теории «инновационных сред» и создание GREMI;
- 3) возникновение «регуляционистской школы» (*l'école régulationniste*);
- 4) исследования в области территориального управления.

Авторами были намечены и пути дальнейшего развития пространственной («территориальной») экономики, во многом являющиеся продолжением обозначенных выше. Кратко опишем некоторые из них.

1. Территория и инновации. «В связи с недавним пересмотром процессов технологических инноваций мы увидели усиление значимости территории в этом процессе. ...Было переоценено место среды инновационного предприятия. Эта тема, развиваемая приверженцами исследований в терминах «инновационной среды», широко распространена сегодня. Она даже стала частью локальной и национальной экономической политики. ...Отметим два вопроса, которые остаются нерешенными: а) всегда ли мы говорим об одних и тех же инновациях, каково соотношение инноваций, которые нужно называть ведущими, и инкрементальных (поступательных) инноваций? б) достаточно ли четко установлена связь между географической близостью и технологической близостью?».

2. Территория как социоэкономический и институциональный конструкт. «...Сегодня явно преобладает идея о том, что территория — это «конструкт» исторический, социоэкономический и институциональный. Это предполагает четыре главных момента: территория появляется не в результате неконтролируемого процесса, она является результатом исторического процесса, моделирующего ее, и, фактически, *местом памяти*; отношения между агентами частично носят (и зачастую сильный) вне рыночный характер...; *высок вес правил*, норм и символов принадлежности к определенной общности, он даже господствует и может объяснить формы организации работы, связи между фирмами...; наконец, *институты очень широко вовлечены* и встроены в функционирование отраслей на территории...»

3. Отраслевая близость и географическая близость. «Первая подчеркивает принадлежность предприятия определенной отрасли благодаря комбинации «технологии — рынки». У этой отрасли есть, конечно, некая пространственная структура, но она может быть раздробленной на многочисленные «территории», локальные, региональные и национальные. С другой стороны, подчеркивается географическая близость в физическом смысле, которая может воздействовать на характеристики рабочей силы и условия ее воспроизводства, на нормы и социальные обычаи, неформальные отношения, даже институциональную и финансовую специфику».

4. Регуляция и «управление»: «Является ли «управление» (*la «gouvernance»*)

типом отраслевой организации в традиционном смысле слова или же оно является много большим, чем форма регулирования «локального» или субнационального уровня? ...Понятие «регуляция» открывает другие перспективы, которые фактически до настоящего времени были очень мало исследованы даже во французской литературе, наиболее насыщенной регуляционистскими идеями. Вопрос касается возможности распространить (и приспособить) главные понятия (режим накопления, заработная плата, институциональные формы) на субнациональные системы, именуемые здесь территориями» [35, с. 16—19].

Заслуживают особого внимания и подходы, исходя из которых К. Курле и другими предполагалось проведение дальнейших исследований [35, с. 20—21]. Например, авторы, отмечая «воскрешение» географического подхода, выделяют три момента, которые должны быть учтены экономистами: «Первый касается понятия близости, которая больше не рассматривается только как топографическая, поскольку также может быть отношенческой... Второй — это возрождение географии человека, которая взаимосвязана с историческими, социологическими и экономическими дисциплинами... Наконец, последний момент: предполагается целенаправленное определение элементов, связанных с расстоянием и/или близостью, что позволяет измерить интенсивность межфирменных отношений». В продолжение тезиса о сложной природе территорий авторы отстаивают идею о мультидисциплинарном подходе: «Особенно плодотворными кажутся работы, которые не стесняются заимствовать у неэкономических дисциплин, а именно... у географии, а также промышленной социологии и политологии. ...Нам кажется, что теория отраслевых рынков больше выиграет от обогащения проблематики...»¹

Столь обширное цитирование, приведенное выше, представляется уместным в свете того, что эти в какой-то мере оказавшиеся пророческими (или трезво просчитанными) «красные линии» до сих пор прослеживаются в развитии современной французской пространственной экономики. Далее будут рассмотрены лишь две проблемные области, весьма, впрочем, характерные для последней.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ БЛИЗОСТИ

Рассмотренная выше характерная черта французской экономической мысли — мультидисциплинарность (*l'approche pluri-disciplinaire*) — создает некоторые проблемы с идентификацией отдельных исследователей и даже целых школ. Примером может послужить вводная статья Ж. Бен-

¹ Разительное отличие от подхода, прослеживающегося, например, в процитированной выше работе Армстронга и Тэйлора.

ко и К. Дэбьен в специальном выпуске англоязычного издания «Economic Geography», посвященного французской экономической географии. Помимо вполне понятного упоминания работ П. Видаль де ла Блаша и П. Клаваля, на каких еще моментах авторы статьи посчитали нужным заострить внимание? На Парижской школе регуляции («*Parisian regulation school*»), GREMI и «Французской школе экономики близости» («*French school of economies of proximity*»)¹, названной «безусловно географическим подходом» [15]. Именно последней и будет посвящен настоящий параграф.

К числу наиболее деятельных участников данной школы Ж. Бенко и К. Дэбьен отнесли следующих специалистов: Бернар Пекёр (Bernard Pecqueur), Андрэ Торр (André Torre), Жан-Пьер Жилли (Jean-Pierre Gilly), Клод Дюпуи (Claude Dupuy), Жан-Бенуа Циммерманн (Jean-Benoit Zimmermann) и Габриэль Коллетис (Gabriel Colletis)². Это, конечно же, совсем не полный перечень. И нужно отметить, что в организационном плане «школа близости» («*l'École de la Proximité*»), как таковая, не существует, зато в рамках ее можно выделить целый ряд относительно самостоятельных институций³.

Из них наиболее известной, долгоживущей и, можно сказать, специализированной является группа под названием «Динамика близости» («*Dynamiques de Proximité*»)⁴. Объединив в начале 1990-х гг.⁵ «экономистов, социологов и географов» в результате дискуссий, состоявшихся под эгидой ASRDLF, эта группа явилась отражением «коллективной рефлексии, связанной с попытками выявить совпадения и связанность в новых теоретических подходах при изучении пространства. Эта рефлексия основывается на убеждении, что пространство не нейтрально, и что оно, безусловно, должно учитываться в

¹ По оценке Ж. Бенко и Б. Пекёра, эта «школа мысли, известная как «французская школа экономики близости» («*école française d'économie de proximités*»), обновила региональную и отраслевую экономику и продолжила логику работ по новой социоэкономической географии 1980-х гг., посвященных инновационным средам, локализованным промышленным системам, промышленным округам. Такое «продолжение» позволило усилить и расширить пионерные работы предыдущего десятилетия» [16, с. 13].

² Возвращаясь к проблеме идентификации: относительно некоторых названных и не названных в этом перечне регионалистов можно с наименьшими основаниями утверждать, что они являются известными экономистами-отраслевиками. Например, А. Торр специализируется в том числе в области сельскохозяйственной экономики, а Янник Лунг (Yannik Lung) является экспертом по автомобильной промышленности.

³ Наверняка приводимое ниже описание не является полным. В него попали лишь наиболее заметные образования и персоналии.

⁴ В англоязычной литературе можно встретить соответствующую «Французскую школу динамики близости» (*French School of Proximity Dynamics*) [51, с. 118].

⁵ Появление группы связывают по времени с очередным конгрессом ASRDLF, состоявшимся в сентябре 1991 г., когда соответствующая идея «закрутилась» в головах группы молодых исследователей, «ни один из которых не был в то время профессором» [28, с. 620]. С первоначальными взглядами этих ученых на рассматриваемую проблему можно ознакомиться в коллективной работе, опубликованной в 1992 г. [14].

исследованиях. Амбиции исследователей, которые работают над проблематикой близости, состоят в том, чтобы объяснить природу эффектов близости и способствовать внедрению пространственной переменной в социальные науки» [58, с. 31].

Благодаря усилиям данной группы действительно произошло, как представляется, закрепление проблематики, связанной с понятием близости, в современной французской пространственной экономике¹. Уже в 1993 г. был издан специальный выпуск профильного «Revue d'économie régionale et urbaine», посвященный близости, за прошедшие годы группа отметилась организацией серии научных конгрессов (*Les journées de la proximité*), а ее участники опубликовали большое количество работ (статей в различных периодических изданиях, монографий и сборников трудов).

Другой институцией, выпускающей серию «Cahiers du GRES», в рамках которой известные представители теории близости также неоднократно публиковали свои труды (правда, не все они связаны с данной теорией), является Ассоциация экономических и социальных исследований (*Le Groupement de Recherche Economique et Sociales, GRES*), которая объединила два исследовательских центра — Федеративный исследовательский институт экономической динамики (*Institut Fédératif de Recherches sur les Dynamiques Economiques, IFRede*) при Университете Монтескье-Бордо IV (*Université Montesquieu-Bordeaux IV*) и Лабораторию исследований в области экономики, политики и социальных систем (*Laboratoire d'Etudes et de Recherche sur l'Economie, les Politiques et les Systèmes Sociaux, LEREPS*) при Университете социальных наук Тулузы I (*Université des Sciences Sociales Toulouse I*).

При Университете Монтескье-Бордо IV также существует Группа исследований по теоретической и прикладной экономике (*Groupe de Recherche en Economie Théorique et Appliquée, GREThA*), которая также выпускает серию рабочих документов под названием «Cahiers du GREThA» — еще одна площадка для публикаций в рассматриваемой области².

Подобными, но, может быть, несколько менее связанными с рассматриваемой проблематикой центрами являются марсельская GRECAM (при

¹ Идя дальше, можно утверждать, что благодаря французской инициативе указанная проблематика вошла в перечень актуальных тем мировой пространственной экономики, в том числе в англосаксонском ее ответвлении. Тем не менее в работе К. Каррэнказо и др. отмечается, что, несмотря на некоторое международное распространение идей группы «Динамика близости», активность последней преимущественно проявляется во Франции. Например, из 11 наиболее значимых работ (коллективных монографий и специальных выпусков научных журналов) лишь одна была опубликована на итальянском языке, остальные — на французском. Впрочем, наблюдается постепенное усиление международного влияния группы, особенно после конгрессов в Марселе (2004 г.) и Бордо (2006 г.) [28, с. 621—622].

² Отметим, что президентом Университета Монтескье-Бордо IV в конце 2010 г. был избран известный пространственник Я. Лунг. Он же с 2008 г. является директором GREThA.

Университетах Экс-Марсель II и III) и GRET (при швейцарском Университете Невшателя).

Наконец, можно отметить исследовательскую команду «БЛИЗОСТЬ» (*L'équipe PROXIMITES*), созданную при Национальном институте агрономических исследований (*Institut national de la recherche Agronomique, INRA*). Появление этой институции, безусловно, связано с деятельностью одного из самых активных исследователей теории близости, действующего президента ASRDLF Андрэ Торр¹.

Прежде чем попытаться разобраться с основными положениями рассматриваемой теории, нужно сделать отступление, связанное с прояснением некоторых терминов. Дело в том, что уже названное словосочетание «экономика близости» (*l'économie de la proximité*) может трактоваться двояко. И для обозначения отличий между трактовками воспользуемся соответствующими англоязычными названиями.

Более «узкое» прочтение рассматриваемого термина — это экономика (экономическая система), основанная на близости² (*proximity economy*), существование которой обуславливает проявление соответствующих эффектов (*les effets de proximité*)³. В более «широком» смысле — это экономическая теория близости (*proximity economics*). Далее нами будет рассматриваться именно теория близости (*la théorie de la proximité*), положения которой могут объяснять функционирование реальных или абстрактных экономических систем, основанных на близости.

Один из основных и «первичных» вопросов, рассматриваемых в теории близости: что это такое? И здесь у исследователей получается выделить большее разнообразие видов близости. Достаточно обстоятельный обзор второй половины 1990-х, выполненный К. Сьерра, показал наличие целого набора близостей, которые выявили те или иные исследователи при изучении экономических явлений, причем с разных точек зрения (*табл. 1*).

Несколько лет спустя Ж.-П. Жилли и Я. Лунг, сосредоточившись на некоторых публикациях представителей группы «Динамика близости», отметили появление тех или иных видов близости в хронологическом порядке (*табл. 2*).

¹ С этим исследователем можно связать и целый ряд положений, вошедших в опубликованный Советом по экономическим, социальным и экологическим вопросам (*le Conseil économique, social et environnemental*) осенью 2010 г. доклад под названием «Экономика близости: ответ на главные вызовы французского общества» [45].

² По аналогии с другим новомодным термином «экономика знаний», т. е. «экономика, базирующаяся на знаниях» (*l'économie fondée sur la connaissance / knowledge-based economy*).

³ Конечно, далеко не все из этих эффектов являются чисто экономическими, положительными или отрицательными (*economies/diseconomies*).

Таблица 1

Классификация подходов к исследованию близости К. Сьерра [61, с. 11]

Методологическая точка зрения (объект исследования)	Природа анализа технологических и территориальных взаимодействий*	Природа отношений близости
1	2	3
Поляризация развития	Исходный подход: несбалансированный рост, распространяющийся благодаря технологическим экстерналиям (Перру [1964, 1990, 1992], Давен [1964])	Техническая близость: результаты соединения, осуществленного ведущей фирмой. Реляционная близость: значимость социальных связей в экономике
	Осовремененный подход: технологическое полюса развития, углубление технологической рефлексии (Арканджели и Пеголо [1989], ДеБрессон [1989], Рави и Торр [1991])	Физическая близость, необходимая для трансфера технологии, требующей «молчаливых» взаимодействий
Технологическая динамика	Эволюционистские подходы (в широком смысле): • Концепция локализации технологических инноваций (Доси [1988], Антонелли [1995], Савиотти [1996]) • Динамика принятия технологий и механизмы пространственного автоусиления (Артур [1988], Дэвид и Форэй [1995]) • Инновации как результат интерактивного обучения (Людваль [1988, 1992])	Физическая близость, необходимая в случае ограничений, обусловленных трансфером «невяных» знаний. Географическая и культурная близость облегчает интерактивное обучение
	Подход с позиции создания технологии: территория как параметр производства и создания технологии (Аррьендола и Гаффар [1988, 1994], Лоньи и Керэ [1993])	Временной характер создания ресурсов предполагает временную близость между акторами инноваций
Территориальная динамика	Проблематика национальных инновационных систем (НИС): включение инновационных процессов в национальные социальные и экономические институты (Фримэн [1988], Людваль [1992], Нельсон [1993])	Близость институционального и географического порядка связывает агентов внутри одной национальной территории и облегчает взаимодействия между производителями и потребителями
	Проблематика эндогенного развития: • Эндогенная индустриализация: анализ территориальной составляющей инноваций (Курле [1989, 1992], Гарофоли [1992, 1996]) • Инновационные среды: взаимопроникновение создания технологий и территориальной структуры (Айдало [1986], Майа и Перрен [1992])	Эндогенное развитие основывается на сетях пространственной солидарности и социокультурной укорененности. Отсюда значимость географической и культурной близости

1	2	3
Отраслевая организация	Проблематика промышленных округов: «скрещивание» концепции А. Маршалла для социально-экономических (Бекаттини [1992], Белланди [1992]), эволюционистских (Лекок [1993], Лоусби [1996]) или технологических (Антонелли [1986], Сторпер [1992]) исследований территориальной составляющей отраслевой организации	Географическая близость позволяет предприятиям округа совместно разрабатывать инновации, опираясь на сильную социальную сплоченность и общественную идентичность, а отсюда — на сильную культурную близость. Округ определяет локализованное разделение труда и, таким образом, основывается на технической близости между фирмами
	Проблематика инновационных сетей: исследование организационного параметра процессов создания территориальных ресурсов (Каманьи [1991], Майа, Лекок и др. [1995])	Сети образуются на базе географической близости и технической близости между фирмами и усиливаются реляционной близостью (доверие, надежность связей)

Примечание. * В скобках указаны фамилии исследователей и годы публикации работ.

Таблица 2

Различные виды близости в публикациях авторов, входящих в группу «Динамика близости» [42, с. 6]

Авторы*	Вид близости				
	географическая	организационная	«организованная»	институциональная	другая
Белле, Коллетис, Лунг (1993)	X	X			территориальная
Кира, Лунг (1995)	X	X		X	технологическая
Жилли, Торр (2000)	X	X			
Ралле (2002)	X		X		
Дюпуи, Бурмайстер (2003)	X		X		
Пекёр, Циммерманн (2004)	X	(X)	X		реляционная

Примечание. * В скобках указаны годы публикации работ.

Как видно, единственной константой является так называемая географическая близость (*la proximité géographique / the geographic proximity*)¹. Другой разновидностью близости, которая очень часто выступает «в паре» с

¹ Поэтому замечание о «географическом» характере рассматриваемой теории можно считать вполне оправданным.

географической близостью, является организационная близость (*la proximité organisationnelle / the organizational proximity*) и пришедшая ей на смену (см. табл. 2) более широкая по смыслу организованная близость (*la proximité organisée / the organized proximity*)¹.

Для описания этих двух видов близости (географической и организованной) воспользуемся положениями, присутствующими в целой серии публикаций А. Торр, вышедших в последние годы.

В «Грамматике экономической теории близости» по поводу исходного выделения двух видов близости сказано следующее: «Развитие с начала девяностых годов исследований близости дает повод все множество определенных форм близости свести к двум измерениям (*dimensions*): если коротко, одно измерение по сути пространственное², а другое — не пространственное» [69, с. 136; 71, с. 3].

Географическая близость (демонстрирующая то самое пространственное измерение) в первую очередь связана с понятием расстояния. В наиболее простом значении речь идет о количестве метров или километров, которые отделяют некие две единицы. Но на самом деле географическая близость может быть определена несколькими разными способами [67, с. 65; 66, с. 413; 68, с. 215]:

- вначале она может относиться к морфологическим характеристикам пространств, внутри которых протекает некая деятельность. Речь может идти о близости «с птичьего полета», как в случае перемещения, например, на самолете, но очевидно, что рельеф местности играет свою роль: одно дело — перемещаться из одной точки в другую по долине, другое — подниматься в гору;
- далее, она может говорить о наличии транспортной инфраструктуры. Существование дороги или автострады, линии поезда или метро, речного пути позволяет говорить о более или менее легкой доступности (функциональное расстояние в терминологии Ф. Перру);
- наконец, она может характеризовать богатство (финансовые ресурсы) индивидов, которые используют эту транспортную инфраструктуру. Линия скоростного поезда обеспечивает быстрое перемещение между двумя точками, но ее стоимость оказывается запретительной для части населения, по крайней мере, в случае частых перемещений. Следовательно, географическая близость между лицами (или между лицами и точками) частично связана с транспортными затратами, частично — с богатством и доходами индивидов.

¹ Относительно последнего, например, дается следующее разъяснение: Ж.-П. Жилли и Я. Лунг (с ссылкой к работе Б. Пекёра и Ж.-Б. Циммерманна) отмечают разбиение «организованной» близости на организационную и реляционную («отношенческую» — *la proximité relationnelle*).

² Уточним, что речь все-таки идет о географическом пространстве.

Географическая близость нейтральна в своей сути¹. Именно деятельность человека и его восприятие² сообщают ей положительную или отрицательную оценку, так же как и некоторую полезность. Следовательно, географическая близость активизируется или мобилизуется действиями экономических и социальных акторов. В зависимости от стратегий или восприятия среды поведение и отношение акторов могут различаться с точки зрения географической близости. Точнее, акторы будут приближаться или удаляться от некоторых лиц (или некоторых мест) или же считать удовлетворительной или неудовлетворительной их географическую близость. В зависимости от последних обстоятельств А. Торр выделяет соответственно две разновидности географической близости — искомую или желательную (*la proximité géographique recherchée / desirable geographical proximity*) и нежелательную (*la proximité géographique subie / undesirable or unwelcome geographical proximity*)³.

Организованная близость также представляет собой некий потенциал, который в случае необходимости может быть активирован или мобилизован. Она затрагивает различные способы, посредством которых акторы могут быть близкими вне зависимости от географического расстояния. Термин «организованная» говорит о «некоем налаженном характере человеческой деятельности» [66, с. 415]. А. Торр также отмечает, что организованная близость может основываться на двух основных логиках, которые не противоречат друг другу: логике принадлежности (*la logique d'appartenance*) и логике подобия (*la logique de similitude*).

В целом в таком исходном делении близости на две разновидности О. Буба-Ольга и К. Каррэнказо (в их трактовке географическая близость названа физической) усматривают очевидную связь с работами Ф. Перру [18, с. 16]. Эти же авторы попытались, оперируя «близостной» терминологией, провести разделение определений таких понятий, как «пространство», «сеть» и «территория»: термин «пространство» (*l'espace*) связан с физической близостью между акторами, термин «сеть» (*le réseau*) — с организованной близостью, и, наконец, «территория» (*le territoire*) соответствует соединению физической и организованной близостей (*рис. 2*). В свою очередь, такой подход позволяет авторам «поместить в центре размышлений вопрос о территориализации (*territorialisation*) деятельности. Эта территориализация не за-

¹ Тезис «удивительно» похож на высказывание Ф. Броделя: «...Любой обмен занимает некое пространство, и никакое пространство не бывает нейтральным, т.е. не измененным и не организованным человеком» [1, с. 170]. Впрочем, такого рода мысли можно обнаружить и в работах французских географов.

² «Это восприятие может варьироваться в соответствии с возрастом, полом, условиями среды, принадлежностью к определенной социальной группе, профессии» [66, с. 414].

³ Подробнее см., например: [66, с. 414—415; 71, с. 5—6].

ложена априори, ...она лишь создает некую возможность, и именно анализ экономических отношений позволяет нам говорить об условиях ее эффективности» [18, с. 17].

Рис. 2. Близость, пространство, сеть и территория [18, с. 16]

В более поздней работе О. Буба-Ольга в соавторстве с М. Гроссетти попытался создать более сложную картину¹ разнообразия видов близости (рис. 3). В качестве другого по отношению к пространственной (географической) близости измерения авторы выделили социо-экономическую близость (la proximité socio-économique).

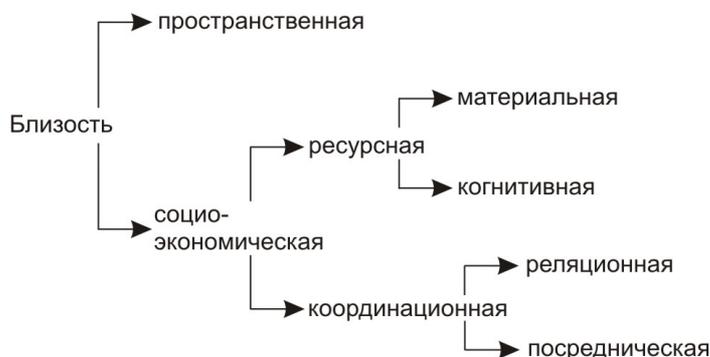

Рис. 3. Типология форм близости [19]

Относительно первой разновидности близости, а точнее — использования синонимов для ее обозначения — О. Буба-Ольга и М. Гроссетти дают следующее пояснение: «...Чаще всего используется термин «географическая», также склоняются к термину «физическая», но иногда также используется и

¹ Отметим, что в соответствующей литературе можно встретить и гораздо более сложные типологии. Другое дело, насколько последние вразумительны и операциональны.

термин «пространственная». У каждого обозначения есть свои преимущества и недостатки. «Географическая», вероятно, является наиболее точным словом, так как оно отсылает к земному (гео-) пространству, распределенному между людьми и обустроенному ими, но оно вызывает и проблемы в отношениях с географами, которые видят в использовании этого наименования посягательство на их работу. Термин «физическая» может заставить поверить, что мы интересуемся только физическими расстояниями, не принимая в расчет инфраструктуру, транспортные затраты и т. д. Термин «пространственная» является тавтологией, так как любая близость между некими объектами определяет тем самым пространство в математическом смысле слова» [19, с. 4]. Единственный аргумент авторов указанной работы для использования варианта «пространственная близость» — это «удобство».

Рассматривая социо-экономическую близость, О. Буба-Ольга и М. Гроссетти различают два способа оценки того, насколько близки между собой два индивида. Первый способ основывается на анализе их индивидуальных характеристик, вне зависимости от возможностей координации, которыми они располагают: оценивается мера, в которой они походят друг на друга или дополняют друг друга с точки зрения своей деятельности или ресурсов, которыми они располагают. Второй способ оценки состоит в том, чтобы проанализировать легкость или наличие препятствий в координации, вне зависимости от индивидуальных характеристик: в этом случае анализ сосредоточен на сетях или механизмах, структурирующих координацию. Соответственно выделяются ресурсная близость (*la proximité de ressources*) и координационная близость (*la proximité de coordination*).

В свою очередь, каждый из последних видов близости разбивается на две категории. В частности, ресурсная близость — на когнитивную (*la proximité cognitive*) и материальную (*la proximité matérielle*): «В социальном мире практически все может рассматриваться акторами как ресурсы, в том числе другие акторы («человеческие ресурсы»). Нам представляется существенным различать два типа ресурсов (здесь идет речь об идеальных типах, которые в реальности более или менее перемешаны): когнитивные ресурсы (находятся в головах акторов) и материальные ресурсы» [19, с. 7].

В рамках же координационной близости выделяются реляционная («отношенческая» — *la proximité relationnelle*) и посредническая (*la proximité de médiation*) разновидности. Первая из них определяется положением акторов в социальных сетях. Но поскольку деятельность акторов не всегда координируется только посредством сетей, могут использоваться механизмы (посреднические), которые позволяют осуществлять взаимодействие, не прибегая к каналам прямой связи [19, с. 7]. Схематическое представление рассмотренных выше видов близости показано на рисунке 4.

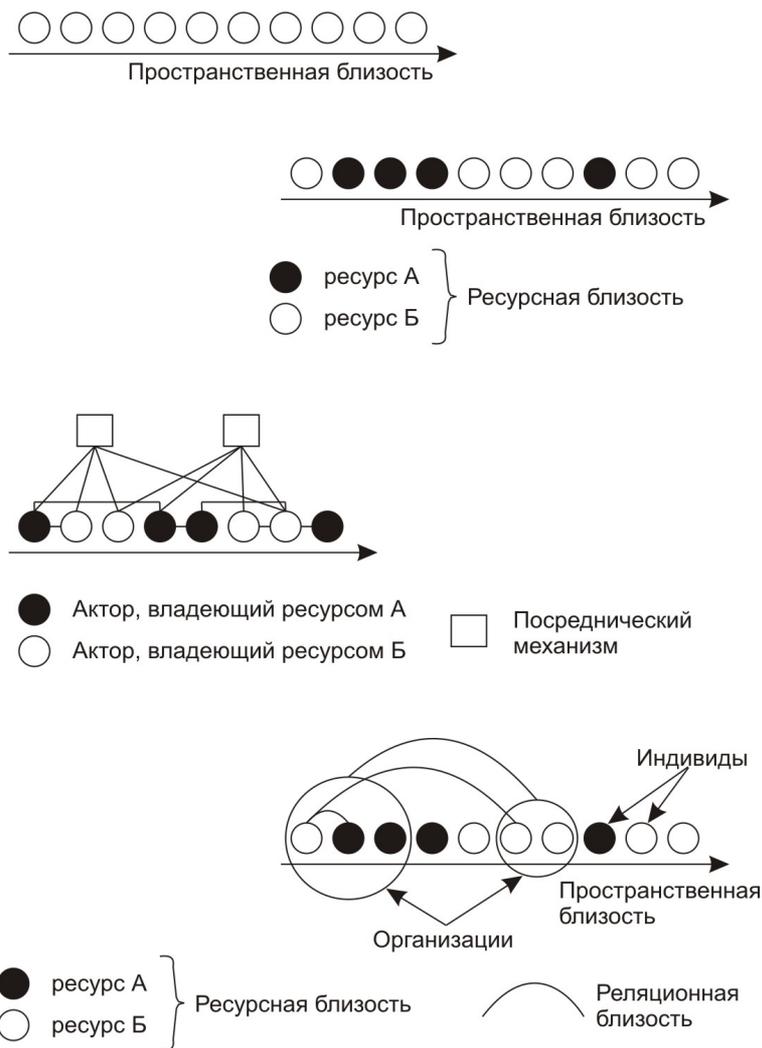

Рис. 4. Графическое представление типов близости

Источник: составлено на основании [19].

Представленное разнообразие¹ видов близости опять поднимает вопрос о мультидисциплинарности. Как отмечает Д. Тальбо, «...чтобы понять смысл различных видов близости, необходимо привлекать существующие в социальных науках теории. Например, для оценки институциональной близости

¹ Конечно, если обратить внимание на содержание таблиц 1, 2, представленный перечень окажется неполным. Стоит упомянуть, например, работа представителя нидерландского направления пространственной экономики Р. Бошмы (на него часто ссылаются и франкоговорящие, и англоговорящие авторы), в которой выделяются целых пять видов близости: когнитивная, организационная, социальная, институциональная и географическая [17].

надо мобилизовать институциональную теорию. При изучении организованной близости нужно учитывать достижения теории организаций и теории отраслевых рынков, а региональную экономику нужно использовать, когда говорят о географической близости. Речь идет не о том, чтобы делать переоценку различных существующих определений, а скорее о том, что за этой очевидной полисемией (многозначностью) кроется настоящая системность, используемая при изучении близости. ...Подход с точки зрения близости скорее эвристический, нежели некая теория. Этот образ мышления не «прикреплен», не проистекает из одной-единственной теории. Следовательно, он междисциплинарен по своей природе: даже если он и был выработан экономистами, сегодня он используется географами, социологами, менеджерами. И как у эвристики, у него есть возможность использования за пределами научной сферы» [64, с. 13].

Конечно, выявление и оценка¹ «близостных» явлений нужны не сами по себе. Изучается также и то, какие эффекты близость (в разных своих проявлениях) оказывает на экономические системы. В частности, в упомянутом докладе «Экономика близости» соответствующим системам, основанным на близости, приписываются следующие положительные эффекты: восстановление доверительных отношений; оживление территории; благоприятствование передислокации деятельности; облегчение вхождения в профессиональную жизнь; активизация занятости и др. [45, с. 1—11, 1—15].

Впрочем, близость, особенно географическая, может приводить и к негативным последствиям, например, конфликтам².

В целом можно отметить, что теория близости достаточно плотно «вплетена» в современную пространственную экономику. Ее положения служат для выдвижения новых идей. Например, О. Кревуазье и Ю. Жаннера в развитие по сути сразу двух теорий — теории близости и теории инновационных сред — предлагают в качестве объекта изучения так называемую территориальную динамику знаний (*les dynamiques territoriales de connaissance, DTC*) [37].

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ЛОКАЛИЗОВАННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Мультидисциплинарный подход, некоторые элементы теории близости, может быть, большая открытость³ французских экономистов-

¹ Некоторые из подходов и методик оценки представлены в [20].

² Здесь можно отметить, что часть последних работ А. Торр как раз и посвящена такому прикладному аспекту теории близости, как конфликты землепользования [69—71].

³ Собственно, многие из терминов, которые будут приведены ниже (например, «обучающийся регион» и т. п.), не являются «изобретением» французских исследователей. Но они активно их используют в своих построениях.

пространственников находят свое отражение и в другом проблемном поле, которое активно изучается на протяжении последних двух десятилетий (предшествующие поколения исследователей тут выносятся «за скобки») — типологизация и систематизация того многообразия экономических явлений, которые привязаны к определенным территориям.

В русском варианте такие феномены максимально широко могут быть обозначены как «локализованные экономические системы». Это название является в данном случае недословным, но передающим суть эквивалентом наиболее часто сегодня используемого во франкоязычных текстах термина «локальные производительные системы» («*les systèmes productifs locaux*») с соответствующей аббревиатурой SPL¹.

Однако на самом деле терминов, которые используются в настоящее время или использовались в недалеком прошлом при исследовании соответствующего феномена, несколько. Наиболее близким термином являются «локализованные производительные системы» («*les systèmes productifs localisés*»). Также применяются и такие варианты, как «локализованные системы производства» — «*les systèmes de production localisés*» [58, с. 28] или «*les systèmes localisés de production*» (SLP) [57]. Но последние термины могут вводить в некоторое заблуждение, поскольку речь не идет только о явлении локализации производства (в значении промышленности).

Приведенный перечень терминов является неполным. У исследователей, занимающихся проблемами сельскохозяйственной экономики, можно встретить соответствующую модификацию SPL — локализованные агропромышленные системы (*les systèmes agroalimentaires localisés* — SYAL), которые могут быть определены как «производственные и сервисные организации (сельскохозяйственные предприятия, агропромышленные и коммерческие предприятия, предприятия общественного питания...), связанные своими характеристиками и функционированием на определенной территории» (цит. по: [52, с. 19]). Д. Майа использовал, например, такое понятие, как «территориальные системы производства» (*les systèmes territoriaux de production* — STP) [50, с. 205—208]. А Ф. Гашэ и К. Лакур предложили использовать для обозначения «городских производительных систем» (*les systèmes productifs urbains*) производный от термина «кластер» неологизм «класти» («clusty») [41].

Аргументацию в пользу применения более корректного термина «производительная система» (то, что и может быть преобразовано в «экономическую систему» в русскоязычном варианте) можно обнаружить, например, в

¹ Распространенность (может быть, чрезмерная?) термина, в том числе в сфере территориального управления, позволяет некоторым авторам даже говорить о политике «SPLизации» (*la politique de «SPLisation»*) [29, с. 257].

работе К. Лонги и М. Керэ, которые в свое время использовали такое понятие, как «локализованная система производства и инноваций» (*le système localisé de production et d'innovation — SLPI*) [47]. При этом SLPI определялась как «все элементы, взаимодействующие в инновационных процессах и используемые в структурных изменениях» [47, с. 719]. Анализ экономических процессов с использованием SLPI, по мнению авторов, предполагает рассмотрение процесса создания технологий как эндогенного. Инновации являются результатом процесса проб и ошибок, накопления маленьких или больших изменений в операциях или продуктах. Технология — это результат компетенций, приобретенных предприятиями в процессе определенного производства, рассматриваемого в широком смысле, т. е. включая НИОКР и маркетинговую деятельность. Инновационный процесс как процесс создания ресурсов предполагает существование предприятия не изолированного, а находящегося в связи со своим окружением. Таким образом, процесс локализации, территориализации деятельности является существенным элементом этого процесса создания ресурсов. Поэтому понятие SLPI вынуждает рассматривать территорию как результат, по крайней мере, экономический [47, с. 719—720].

Со ссылкой на DATAR в отчете фирмы *Ernst & Young* дается более «актуальное» определение собственно SPL¹: это «особая производительная система, локализованная на территории, которая обычно соответствует области, внутри которой население может найти работу без переезда (*un bassin d'emploi*). Эта система функционирует как сеть взаимозависимых производительных единиц (производственных или сервисных предприятий, исследовательских центров, образовательных организаций, центров трансфера инноваций...), занимающихся схожей или комплементарной деятельностью и между которыми осуществляется разделение труда» [39, с. 3].

Понятно, что такое определение вряд ли является единственно возможным. Как отмечают К. Курле и А. Ферген, «в действительности SPL — синтетическое понятие, которое находится на «перекрестке» нескольких теоретических подходов, направленных на изучение вопросов развития и отталкивающихся от производственной и организационной динамики и ее проявления в пространстве» [34, с. 103].

Это же обстоятельство порождает и уже отмеченную неразбериху с терминологией, и проблему с систематизацией SPL². «Пространственные эко-

¹ Далее будет использоваться именно такое обозначение рассматриваемого феномена. Так поступают многие франкоязычные авторы в своих работах.

² Кстати, в некоторых работах иногда обнаруживается сразу несколько вариантов терминов, а ряд авторов используют SPL не как обобщающее обозначение, как одно из экономических явлений, в одном ряду, например, с кластерами и промышленными округами. От этого путаницы не становится меньше.

номические формы изучались или комментировались столь большим числом авторов, что может создаться впечатление, что по этому поводу уже все сказано. Между тем эти авторы, будучи связанными с различными дисциплинами (региональной или отраслевой экономикой, экономической географией, индустриальной социологией), строят свои рассуждения исходя из малосовместимых теоретических точек зрения и используют различные методы, что иногда затрудняет понимание рассматриваемого феномена» [44, с. 164]. Отсюда и то, что Б. Пекёр назвал «калейдоскопическими формами территориальной организации» [52, с. 19].

Тем не менее, говоря о специфических характеристиках тех или иных разновидностей SPL, франкоязычные исследователи иногда ссылаются на работы известного итальянского ученого Дж. Гарофоли. В частности, в одной из работ Дж. Гарофоли выделил набор переменных [40, с. 28], позволяющих охарактеризовать ту или иную локализованную экономическую систему (систему производства):

- 1) экономическая структура и организация производства (степень специализации / диверсификации локальной экономики, размер предприятий, наличие или отсутствие локальных производственных связей между фирмами);
- 2) развитие технологической системы (методы внедрения и диффузии инноваций);
- 3) рынок труда и индустриальные отношения (структура занятости, происхождение рабочих, профессиональная подготовка);
- 4) социальные акторы и социальная структура (воспроизводство навыков и предпринимательских ресурсов, культура и нормы управления);
- 5) структура рынка и формы конкуренции (варианты выхода на рынок, рыночные формы);
- 6) информационная система;
- 7) регулирующие институты.

Следы подобного рода переменных (признаков) можно обнаружить в некоторых из многочисленных попыток систематизировать SPL. Далее будут представлены лишь некоторые из типологий, расположенных не в хронологическом порядке, а в порядке возрастания сложности. Можно также отметить, что многие типологии схожи между собой визуально, поскольку часто представлены графически в виде двухмерных матриц.

Одной из достаточно простых, во всяком случае, для визуального восприятия, является типология, предложенная А. Ралле и А. Торр (рис. 5). Эти исследователи, будучи активными участниками группы «Динамика близости», использовали две основные разновидности близости для выделения некоторых типов локализованных экономических систем.

	Географическая близость	Организационная близость
Географическая близость	Ничего не передается: агломерация	Локальные сети, SPL, переговорные механизмы
Организационная близость	Подвижность, временные взаимодействия	Нетерриториальные сети

Рис. 5. Комбинация географической и организационной близостей при типологизации SPL А. Ралле и А. Торра [58, с. 28]

Приведенная выше матрица может вызывать вопросы, связанные, например, с тем, что используемые параметры в матрице «зеркальны», а вот ее содержание — нет. Без соответствующих дополнительных пояснений (какой параметр и где является главным) интерпретировать данную типологию можно с ошибками.

Применительно уже только к кластерам¹ тот же А. Торр также применил матрицу (рис. 6). В ней, в частности, косвенно прослеживается еще одна характерная черта французских исследователей — они, как правило, не «увлекаются» одним-единственным объектом (экономическим феноменом), а пытаются его соотнести с другими². В данном случае обнаруживаются не только кластеры, соответствующие идеям М. Портера, но и другие типы кластеров.

		Организация межфирменных связей	
		сильная	слабая
Локализация межфирменных отношений	сильная	1. Кластер Портера	3. Кластер, связанный с определенным ресурсом или местной историей
	слабая	2. Кластер без локальной базы	4. Дисперсная деятельность

Рис. 6. Типология кластеров А. Торра [65, с. 21]

В качестве основного классификационного признака для выделения разных типов SPL К. Каррэнказо и др. использовали понятие «сложность базы знаний» (*la complexité de la base de connaissances*). Последняя позволяет учесть «контекст», в рамках которого осуществляется координация деятельности экономических агентов [28, с. 32].

¹ По умолчанию — как одной из разновидностей SPL.

² Собственно, это еще одно из объяснений многочисленности типологий SPL.

При этом авторы выделили два типа сложности — технологическую (*la complexité technologique*) и комбинаторную (*la complexité combinatoire*). Технологическая сложность определяется как частота обновления базы знаний и отсылает к технологической компоненте обучения. Речь идет о том, чтобы учитывать степень новизны используемых компетенций. Комбинаторная сложность учитывает связанность различных и многочисленных знаний. Соответственно, у этой сложности есть две составляющие — количественная и качественная. Последняя фундаментальна, так как проблемы сочетания знаний главным образом связаны с разнородностью компетенций.

Комбинирование обоих типов сложности с тремя формами близости (географической, институциональной и организационной) позволило К. Каррэнказо и др. составить типологию «пространственных конфигураций инноваций» (*configurations spatiales de l'innovation*) (рис. 7).

		Технологическая сложность	
		высокая	низкая
Комбинаторная сложность	высокая	Географическая близость Агломерация, кластеры	Организационная близость «Кочующая» организация
	низкая	Институциональная близость Сетевая организация	Слабая близость

Рис. 7. Типология SPL в контексте инновационного процесса
К. Каррэнказо и др. [28, с. 35]

Первая конфигурация корреспондирует с таким явлением, как кластеры (или промышленные округа), а также крупные технологические центры, т. е. где значительная потребность в географической близости является ответом на потребность в интенсивной коммуникации между партнерами, вовлеченными в инновационный процесс. Действительно, когда одновременно высоки и технологическая, и комбинаторная сложности, может оказаться необходимым на постоянной основе «объединение» в одном месте всех акторов инноваций. Впрочем, как отмечают К. Каррэнказо и др., «географическая близость не является сама по себе фактором координации: она должна быть активирована организационной и/или институциональной близостью» [28, с. 35]. Концентрация (агломерация) инновационной деятельности в городах не обязательно предполагает наличие системы локального взаимодействия: города могут рассматриваться в качестве узлов коммуникации, облегчающих координацию даже при временной географической близости.

При высокой технологической сложности и низкой комбинаторной инновационный процесс больше основывается на природе знаний, чем на форме их комбинирования. Взаимозависимость между компетенциями заложена в текущую практику, достаточно стабильную или даже систематизированную. В этом случае время от времени может использоваться географическая близость (для передачи «молчаливых» знаний), но процесс требует поддержки сильной когнитивной близости, поскольку передача знаний предполагает наличие общих когнитивных схем. Это также предполагает политическую и социальную¹ близости для выработки общего языка, необходимого для передачи знаний, основанной на доверительных связях неформального (межличностный уровень) и формального (например, режимы прав на интеллектуальную собственность) характера и на способности регулировать конфликты, обусловленные асимметрией социальных позиций при передаче знаний. Такая конфигурация авторами связывается с понятием «сеть» (или «сетевая организация» — *l'organisation réticulaire*), которое позволяет подчеркнуть существование специфических отношений между партнерами, не вписывающихся в ограниченное географическое пространство. В качестве иллюстрации приводятся сообщества разработчиков свободного программного обеспечения, которые функционируют в мировом масштабе, притом что «встречи» остаются исключительно виртуальными.

«Кочующая» агломерация (*l'agglomération nomade*) похожа на сетевую организацию, но предполагает наличие временной географической близости тогда, когда инновационный процесс обуславливает объединение акторов. Несложный характер знаний облегчает координацию на расстоянии, однако обобществление накопленных знаний предполагает, что такая удаленность будет поддерживаться сильной организационной близостью. Место в сети тогда соответствует позиции различных подразделений одной и той же организации или позиции различных организаций, принимающих участие в одном проекте.

У М. Гроссетти насчитывается шесть специфических разновидностей SPL: округа (*les districts*), технополисы (*les technopoles*), субконтрактные системы (*les systèmes de sous-traitance*), специфические виды деятельности, ориентированные на мировой рынок (*les activités rares à marché mondial*), метрополитенские сервисные системы (*les services métropolitains*) и агропромышленные системы (*les systèmes agroalimentaires*) [44, с. 171—174]. Для характеристики этих форм SPL М. Гроссетти использовал 10 показателей (в таблице 3 продемонстрировано их применение относительно двух форм — округов и технополисов).

¹ Указанные три разновидности близости (когнитивная, политическая и социальная) «упрятаны» авторами рассматриваемой работы в институциональную форму.

Сопоставление двух форм SPL: округа и технополисы [44, с. 172]

	Округа	Технополисы
Типы экономических организаций	Малые и средние предприятия (МСП)	Группы предприятий, МСП, научные организации (университеты, школы, лаборатории)
Исследования и разработки	Нет	Да
Инновации	«Спонтанные»	Организованные
Локализация	Полусельские зоны (zones semi-rurales), малые города	В больших агломерациях или поблизости от них
Ресурсы, которыми обмениваются вне локального рынка	Техническая информация, информация о рынках	Техническая информация, информация о партнерах
Ресурсы, которыми обмениваются на локальном рынке	Деньги	Техническая информация, советы, деньги
Координация	На основе зарплаты и механизма найма (ограничение надбавок)	На основе зарплаты и механизма найма (ограничение надбавок)
Политическое представительство	Местные органы власти	Местные органы власти
Подвижность населения	Оседлое население	Мобильное население
Преобладающие социальные связи	Семейные, ученические, рабочие	Университетские, рабочие

Вслед за автором приведем описание некоторых из этих параметров. В частности, М. Гроссетти различает ресурсы, которыми обмениваются вне локального рынка и внутри него. Это обусловлено, во-первых, влиянием близости, а во-вторых, различиями в функционировании связки «укорененность / разъединение» (*encastrements / découplages*). Координация предполагает отношения, которые идут дальше простого обмена или сотрудничества в ходе некой экономической деятельности, благодаря чему достигается коллективное регулирование, в некоторых случаях конкретизирующееся в виде посреднической организации. Политическое представительство предполагает доступ некоторых членов организаций, входящих в SPL, к политическим постам, что, как правило, подразумевает защиту интересов некоторых из причастных к соответствующей экономической системе лиц (предпринимателей, рабочих и т. д.). Не все локальные системы обязательно проявляют себя политически, но когда это происходит, результаты являются очевидными. Наконец, места, где формируются отношения, создают своеобразную «подпись», характерную для некоторых SPL [44, с. 172—173].

В чем-то похожая, но изначально более структурированная и сложная в сравнении с предыдущими типологиями SPL (больше показателей и больше типов) модель была предложена И. Самсоном (рис. 8). Причем, как уже отмечалось выше, здесь SPL рассматриваются как один из типов «локализованных производительных организаций» (*l'organisation productive localisée*) [60]. Кластеры, например, И. Самсоном названы «более широкой и открытой формой», нежели SPL, к которым относятся лишь четыре разновидности «организаций» — промышленные и технологические округа, инновационные среды и технополисы.

		Локальные взаимосвязи внутри производительной системы		
		ограниченные	широкие	
ограниченные			неиерархизированные	иерархизированные
		Глобальные взаимосвязи (включенность в глобальные цепочки ценности)	ограниченные	Локализованные производительные системы
«Атомизированные» производители	Промышленные округа. Инновационные среды. Технополисы			Технологические округа
широкие	неиерархизированные		Кластеры	«Излучающие» округа
	иерархизированные	Города-территории. Предприятия-территории		
		Технологические парки. Системы малых и средних предприятий (МСП)		
		Системы-спутники («спутники»)		

Рис. 8. Типология «локализованных экономических организаций» И. Самсона [60]

Наконец, наиболее сложную типологию SPL предложил Ф. Карлюэ. Как первый этап он использовал также двухмерную матрицу (рис. 9), в которой применены три показателя: взаимодействие (показывает интенсивность обменов), обучение (как характеристика динамики инноваций) и территория (индикатор укорененности).

		Взаимодействие			
		+		-	
		Обучение			
		+	-	+	-
Территория	+	Инновационная среда	Промышленный округ	Кластер	Система МСП
	-	«Обучающийся регион»	Сервисное пространство	Технополис	Международная компания

Рис. 9. Типология SPL Ф. Карлюэ [25, с. 199]

Но далее выделенные 8 типов SPL Ф. Карлюэ включает уже в трехмерную матрицу (рис. 10).

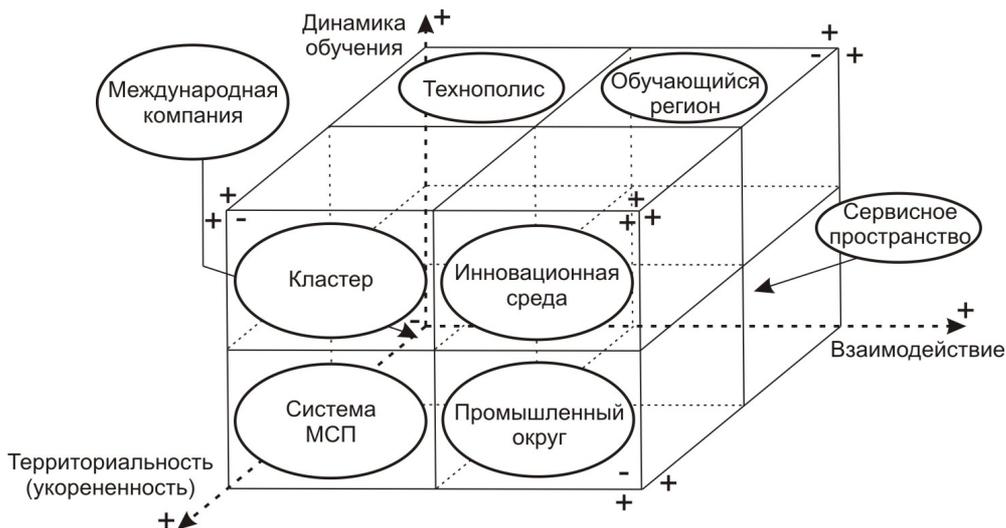

Рис. 10. Стратегическая матрица SPL [26, с. 18]

Причем данная матрица им используется как инструмент анализа и в «статике», и в «динамике». А именно: Ф. Карлюэ попытался соответствующим образом описать специфический характер связей между различными типами SPL, а также возможную их эволюцию при изменении того или иного ключевого параметра [25, с. 200—209].

В результате можно подвести следующие итоги относительно некоторых характерных черт современной французской пространственной экономики. Во-первых, это приверженность мультидисциплинарному подходу, обусловленная влиянием предшествующих поколений исследователей и наглядно

себя проявляющая при изучении близости и многообразия локализованных экономических систем. Во-вторых, это большая открытость сообщества французских экономистов-пространственников. При этом в «параллельном мире» англоязычной экономической мысли идеи французской пространственной экономики представлены весьма скромно. Такую ситуацию можно объяснить множеством причин, как объективного, так и субъективного характера. Представляется, что стирание границ между научными мирами способствовало бы появлению более плодотворных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Весь мир, 2011.
2. Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил (критический анализ). М.: Мысль, 1981.
3. *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6 (40).
4. *Ласуэн Х. Р.* Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами / Пер. с англ. В. Н. Украинского // Пространственная экономика. 2009. № 4; 2010. № 1.
5. *Минакир П. А., Демьяненко А. Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2.
6. *Перру Ф.* Экономическое пространство: теория и приложения / Пер. с англ. А. П. Горюнова // Пространственная экономика. 2007. № 2.
7. *Портер М. Е.* Кластеры и конкуренция // Конкуренция / Портер М. Е. М.: Вильямс. 2000.
8. Региональные исследования за рубежом. М.: Наука, 1973.
9. *Тевено Л.* Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2007.
10. *Туссэ Ж.-Ф.* Забвение пространства в экономической мысли / Пер. с франц. В. Н. Украинского // Пространственная экономика. 2007. № 4; 2008. № 1.
11. *Aftalion A.* Présentation // Revue économique. 1950. Vol. 1. № 1.
12. *Armstrong H., Taylor J.* Regional Economics and Policy. 3rd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 2000.
13. *Bartoli H.* Chronique de la pensée économique en Italie // Revue économique. 2002. Vol. 53. № 1.
14. *Bellet M., Colletis G., Lecoq B., Lung Y., Pecqueur B., Rallet A., Torre A.* Et pourtant ça marche! (quelques réflexions sur l'analyse du concept de proximité) // Revue d'économie industrielle. 1992. Vol. 61.
15. *Benko G., Desbiens C.* French Economic Geography: Introduction to the Special Issue // Economic Geography. 2004. Vol. 80. № 4.
16. *Benko G., Pecqueur B.* Les ressources de territoires et les territoires de ressources // Finisterra. 2001. Vol. XXXVI. № 71.
17. *Boschma R.* Proximité et innovation // Économie rurale. 2004. № 280.
18. *Bouba-Olga O., Carrincazeaux Ch.* Les espaces des relations interentreprises: l'exemple des activités de R&D // Flux. 2001. № 46.
19. *Bouba-Olga O., Grossetti M.* Socio-économie de proximité. Communication

présentée aux «Cinquièmes journées de la proximité» organisées par le GRES et le groupe «Dynamiques de proximité». Bordeaux. 2006. 28—30 juin.

20. *Bouba-Olga O., Zimmermann J.-B.* Modèles et mesures de la proximité / Groupement de Recherche en Economie Quantitative d'Aix-Marseille (GRECAM), Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Universités d'Aix-Marseille II et III. Document de Travail № 02A25. 2002.

21. *Boyer R.* Économie et histoire: vers de nouvelles alliances // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1989. № 6.

22. *Boyer R.* L'anthropologie économique de Pierre Bourdieu // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2003. Vol. 150.

23. *Boyer R.* Pierre Bourdieu Analyste du changement? Une lecture à la lumière de la théorie de la régulation. Paris. Couverture Orange CEPREMAP № 2004-01. 2004.

24. *Braudel F.* Pour une économie historique // *Revue économique*. 1950. Vol. 1. № 1.

25. *Carluet F.* Réseaux d'entreprises et dynamiques territoriales: une analyse stratégique // *Géographie, Économie, Société*. 2006. Vol. 8. № 2.

26. *Carluet F.* Réseaux d'entreprises et territoires: une matrice d'analyse stratégique // *Revue management et avenir*. 2005. № 6.

27. *Carrincazeaux Ch., Coris M., Lung Y.* Les configurations spatiales de l'innovation // *Hermès*. 2008. № 50.

28. *Carrincazeaux Ch., Lung Y., Vicente J.* The scientific trajectory of the French school of proximity: interaction- and institution- based approaches to Regional System of Innovation // *European Planning Studies*. 2008. Vol. 16. № 5.

29. *Chignier-Riboulon F., Fournier M.* Les locaux et la mondialisation ou des difficultés pour appréhender une réalité spatiale protéiforme // *Géographie, Économie, Société*. 2006. Vol. 8. № 2.

30. *Claval P.* Géographie et profondeur sociale // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1967. № 5.

31. *Claval P.* Les modèles sociaux en géographie // *Revue de géographie de Lyon*. 1984. Vol. 59. № 3.

32. *Colletis-Wahl K., Corpataux J., Crevoisier O., Kebir L., Pecqueur B., Peyrache-Gadeau V.* L'économie territoriale: Une approche générale pour mieux comprendre et faire face à la globalisation / Groupe de recherche en économie territoriale (GRET), Institut de Sociologie, Université de Neuchâtel, Neuchâtel, Suisse // *GRET Working Paper 01/2006-F*. 2006.

33. *Courlet C.* Les systèmes productifs localisés. Un bilan de la littérature // *Etudes et Recherches sur les Systèmes Agraires et le Développement*. 2002. № 33.

34. *Courlet C., Ferguene A.* Globalisation et territoire: le cas des SPL dans les pays en développement // *Facef Pesquisa*. 2003. Vol. 6. № 3.

35. *Courlet C., Pecqueur B., Soulage B.* Industrie et dynamiques de territoires // *Revue d'économie industrielle*. 1993. Vol. 64.

36. *Courlet C., Soulage B.* Industrie et territoire: principaux points de repères bibliographiques // *Revue d'économie industrielle*. 1993. Vol. 64.

37. *Crevoisier O., Jeannerat H.* Dynamiques territoriales de connaissance: du paradigme de la proximité aux milieux multi-locaux / Groupe de recherche en économie territoriale (GRET), Institut de Sociologie, Université de Neuchâtel, Neuchâtel, Suisse // *GRET Working Paper 01/2008-F*. 2008.

38. *DATAR* Aménager la France de 2020. Mettre les territoires en mouvement. Paris: La Documentation française, 2000.

39. *Ernst & Young* L'implication des PME et des SPL dans les Pôles de Compétitivité. 2005.

40. *Garofoli G.* Economic development, organization of production and territory // *Revue d'économie industrielle*. 1993. Vol. 64.
41. *Gaschet F., Lacour C.* Les systèmes productifs urbains: des clusters aux «clusties» // *Revue d'économie régionale et urbaine*. 2007. № 4.
42. *Gilly J.-P., Lung Y.* Proximités, secteurs et territoires / Groupement de Recherches Economiques et Sociales (GRES) // *Cahier du GRES* № 2005-09. 2005.
43. *Gottmann J.* De l'organisation de l'espace. Considérations de géographie et d'économie // *Revue économique*. 1950. Vol. 1. № 1.
44. *Grossetti M.* Concentration d'entreprises et innovation: esquisse d'une typologie des systèmes productifs locaux // *Géographie, Économie, Société*. 2004. Vol. 6. № 2.
45. L'économie de proximité: une réponse aux défis majeurs de la société française: Rapport présenté par P. Martin. Avis et rapports du Conseil économique, social et environnemental. 2010. № 17.
46. *Lhomme J.* Les phénomènes économiques en tant que phénomènes «nombreux». Essai sur la notion d'aberrance économique // *Revue économique*. 1950. Vol. 1. № 1.
47. *Longhi Ch., Quéré M.* Systèmes de production et d'innovation, et dynamique des territoires // *Revue économique*. 1993. Vol. 44. № 4.
48. *MacKinnon D., Cumbers A., Chapman K.* Learning, innovation and regional development: a critical appraisal of recent debates // *Progress in Human Geography*. 2002. Vol. 26. № 3.
49. *Marchal A.* Economistes et historiens // *Revue économique*. 1950. Vol. 1. № 1.
50. *Maillat D.* Milieux et dynamique territoriale de l'innovation // *The Canadian Journal of Regional Science*. 1992. Vol. XV. № 2.
51. *Moodysson J., Jonsson O.* Knowledge Collaboration and Proximity: The Spatial Organization of Biotech Innovation Projects // *European Urban and Regional Studies*. 2007. Vol. 14. № 2.
52. *Pecqueur B.* Le tournant territorial de l'économie globale // *Espaces et Sociétés*. 2006. № 124—125.
53. *Perroux F.* Les investissements multinationaux et l'analyse des pôles de développement et des pôles d'intégration // *Revue Tiers-Monde*. 1968. T. 9. № 34.
54. *Perroux F.* Note sur la ville considérée comme pôle de développement et comme foyer du progrès // *Revue Tiers-Monde*. 1967. T. 8. № 32.
55. *Pitte J.-R.* Quand l'histoire et la géographie se fréquentaient // *Annales de Géographie*. 1998. Vol. 107. № 601.
56. *Ponsard C.* Note sur la localisation de la firme // *Revue économique*. 1956. Vol. 7. № 1.
57. *Ragni L.* Systèmes localisés de production: une analyse évolutionniste // *Revue d'économie industrielle*. 1997. Vol. 81.
58. *Rallet A., Torre A.* Proximité et localisation // *Économie rurale*. 2004. № 280.
59. *Salais R., Storper M.* The four «worlds» of contemporary industry // *Cambridge Journal of Economics*. 1992. Vol. 16. № 2.
60. *Samson I.* Territoire et système économique. Communication présentée aux «Quatrièmes journées de la proximité» organisées par l'IDEP, le LEST, le GREQAM et le groupe «Dynamiques de proximité». Marseille. 2004. 17—18 juin.
61. *Sierra Ch.* Proximité(s), interactions technologiques et territoriales: une revue // *Revue d'économie industrielle*. 1997. Vol. 82.
62. *Storper M.* The Resurgence of Regional Economies, Ten Years Later: The Region as a Nexus of Untraded Interdependencies // *European Urban and Regional Studies*. 1995. Vol. 2. № 3.
63. *Storper M.* The transition to flexible specialisation in the US film industry: external

economies, the division of labour, and the crossing of industrial divides // Cambridge Journal of Economics. 1989. Vol. 13. № 2.

64. *Talbot D.* Institutions, organisations et espace: les formes de la proximité / Groupe de Recherche en Economie Théorique et Appliquée (GREThA) // Cahiers du GREThA № 2011-06. 2011.

65. *Torre A.* Clusters et systèmes locaux d'innovation: Retour critique sur les hypothèses naturalistes de transmission des connaissances à l'aide des catégories de l'économie de la proximité // Région et Développement. 2006. № 24.

66. *Torre A.* Jalons pour une analyse dynamique des Proximités // Revue d'économie régionale et urbaine. 2010. № 3.

67. *Torre A.* Retour sur la notion de Proximité Géographique // Géographie, Économie, Société. 2009. Vol. 11. № 1.

68. *Torre A.* The role of proximity during long-distance collaborative projects. Temporary geographical proximity helps // International Journal of Foresight and Innovation Policy. 2011. Vol. 7. № 1—3.

69. *Torre A., Zuindeau B.* Économie de la proximité et environnement: état des lieux et perspectives // The Canadian Journal of Regional Science. 2008. Vol. XXXI. № 1.

70. *Torre A., Zuindeau B.* Les apports de l'économie de la proximité aux approches environnementales: inventaire et perspectives // Natures Sciences Sociétés. 2009. Vol. 17. № 4.

71. *Torre A., Zuindeau B.* Proximity economics and environment: assessment and prospects // Journal of Environmental Planning and Management. 2009. Vol. 52. № 1.